Шукшин Василий Макарович

28.7.94.

Вехи: лит. и газ. - 1994 - 28 июля
Российские вести № 141 (565) с. 3

Мемуары

...И начинала болеть душа

Немногим более десяти лет длилась творческая деятельность Василия Макаровича Шукшина в кинематографе и на литературной ниве, хотя ее итог по влиянию на современную ему жизнь и наше время поистине непереоценим. Сам же Василий Шукшин, отразив в своих произведениях трагические коллизии российской действительности, в полной мере разделил незавидную долю подобных ему искателей человека в человеке. 25 июля нынешнего года исполнилось 65 лет со дня его рождения, а 2 октября будет 20 лет со дня смерти. В переломный момент отечественной истории вехи Шукшинской судьбы являют нам пример высокой стойкости человека, угнетаемого роковыми обстоятельствами, но не сломленного. Потому так важно каждое новое слово о нем, его страдающей и взыскующей добра душе. Предлагаем вниманию читателей заметки актрисы и режиссера Натальи Бондарчук о встречах с Василием Шукшиным.

Наталья БОНДАРЧУК

Молодых шумных парней пригрел дачный дом в Ново-Дарьино. Дом находился в вечной разрухе, в нем всегда что-то капало, трещало, жалобно постанывало, и все-таки он всегда приветливо принимал всех, кто сюда попадал. Гости рассаживались по табуретам, скамейкам, а счастливчикам удавалось завладеть соломенным креслом-качалкой. Ставился самовар, тонкий смолистый аромат вливался в легкие, на время освобождая от забот и волнений. В этот день Ирина Александровна Жигалко - педагог Михаила Ильича Ромма - пригласила ребят со своего курса режиссерского отделения ВГИКа к себе на дачу, чтобы еще раз обсудить дипломные фильмы. Не имея своих собственных детей, Ирина Александровна пригревала многих поселковых ребят. Дача моей мамы находилась по соседству, строительством и благоустройством дач занимались исключительно женщины, так что соседки жили как бы одной женской коммуной, а я, как переходящий приз, кочевала от одного дома к другому. Мы совершали с Ириной Александровной многочисленные походы в лес по грибы. В этих походах она делилась со мной всеми ее переживаниями. Я часто слышала: «У Андрея яркое представление, он всегда знает, что хочет. А Вася прекрасно играет в этюдах, да и пишет славно. Андрон мечтает ставить классику...» Что я могла понять в свои 13 лет из этих разговоров - так только то, что там, в мастерской, совершаются удивительные, почти таинственные дела и что искусство, которому учат во ВГИКе, - самое нужное всем людям.

И вот наконец я вижу этих счастливчиков, симпатичных, веселых молодых людей из знаменитой мастерской М.И.Ромма. Черноволосый юноша с острым взглядом и ершиком на голове уютно устроился в кресле-качалке. Ему я передаю любимую книгу - сборник Станислава Лема.

«Андрей, обязательно прочти «Солярис», - рекомендует Ирина Александровна молодому человеку, а сама в это время продолжает беседовать с другим студентом, который при этом ловко орудует самоваром, успевая всем разлить чай. Мы вкусно чаевничаем, с пирожками с щавелем, потом играем в пинг-понг, моем посуду. Ирина Александровна довольная, розовая, посматривает на своих подопечных; так звонко проходит день и спускается тихий ново-дарьинский вечер. Затапливается камин, потрескивают сосновые ветки. Огонь высвечивает лица молодых людей...

Могла ли я предвидеть тогда, в июле 1963 года, что сижу в компании людей, имена которых навсегда останутся в сердцах зрителей... Андрей Тарковский, Андрон Кончаловский, Василий Шукшин...

Могла ли предполагать, что с Андреем Тарковским пройду шаг за шагом к осуществлению давнишнего замысла и родится фильм «Солярис», что с Андроном Кончаловским буду репетировать Аглаю из вгиковской постановки «Идиот», что с Василием Шукшиным и его женой Лидией встречусь в далеком Сорренто, и мы там, в Италии, будем говорить о нашей общей боли - родной земле...

Могла ли я предполагать, что так рано уйдут из нашей жизни Андрей Тарковский и Василий Шукшин и станут почти символами бескомпромиссного служения искусству, отстаивания правды...

Писать о Шукшине - это писать о главном, о наболевшем, о родном. Шукшин - явление редкое даже для нашей полнокровной русской культуры. Писатель, кинорежиссер, киноактер, он стремился всегда к единению своих творческих «ипостасей», которые коренились в едином, все поглощающем чувстве любви к своему народу. Шукшин работал для людей, которых знал, он знал и горести, печали и радости, поэтому он стал поистине народным художником.

Эти мысли переполняли меня, когда я вместе с другими людьми поднималась на гору Пикет. Тысячи людей, старых и молодых, придерживая за руки детей, восходят на гору в день рождения Василия Макаровича, чтобы еще раз поклониться тому, у кого болела за всех нас душа и кто отдал без остатка всю страсть своего сердца и оставил нам свое искусство - завет. С Пикета можно увидеть вершины древнего Алтая, сияющую под солнцем вольную реку Катунь. Где-то здесь в детстве брал Василий прозрачную, холодную воду и на быках перевозил ее на совхозные поля.

С горы Пикет, там, где проходят теперь Шукшинские чтения, можно увидеть весь поселок Сростки и дом, где прошло детство Василия Макаровича, и стрелу Чуйского тракта.

«Есть на Алтае тракт - Чуйский. Красивая стремительная дорога, как след бича, стеганувшего по горам». Эти строки из киноповести Шукшина «Живет такой парень», образно дополняют то собственное, рожденное от увиденного ощущение, когда сидишь вместе с другими людьми на земле Шукшина...

Впервые услышала я об Алтае и Чуйском тракте от моей бабушки, сибирской писательницы Анны Ивановны Герман. В моей детской фантазии переплелись тогда волшебные травы - выше всадника на коне; лабиринты таинственных пещер, где сталагмиты и сталактиты таили облики людей и животных; сказания о красавице Катуни и волшебных рогах маралов. Бабушка рассказывала, как она, посадив мою маму (ей тогда было семь лет) на лошадку и привязав к себе, совершала многодневные путешествия по Горному Алтаю и писала свои очерки в журнал «Сибирские огни». Этот же журнал стал публиковать и первые рассказы Шукшина.

«И еще есть река на Алтае - Катунь. Злая, белая от злости, прыгает по камням, бьет в их холодную грудь крутой яростной волной, ревет - рвется из гор. А то вдруг присмиреет в долине - тихо, слышно, как утка в затоне пьет за островом. Отдыхает река. Чистая, светлая - каждую песчинку на дне видно, каждый камешек. И тоже стоит только разок посидеть на берегу, когда солнце всходит... Красиво, очень красиво!»

Верю в то, что нет в жизни случайных встреч - ни с людьми, ни с реками. Вот и в моей судьбе река Катунь имеет свой заповедный смысл. Почувствовала я эту связь, когда впервые вышла на дорогу Чуйского тракта 17-летней девчонкой, увидела голубоватые кедры, среди которых гремели белые воды Катуни, почувствовала мощную вибрацию, что стремительно пронеслась по всему организму и затронула сердце. Помню эту же сильную волну жизни, которая поднялась во мне в Доме ученых в Москве, когда я на пятом месяце беременности должна была выступать в защиту Катуни. Предыдущий оратор уверенно утверждал, что строительство каскада Катуньской ГЭС не затронет святых мест - Сростки - родину Шукшина и Уймонскую долину, которую обессмертила своим посещением семья Рерихов. Он утверждал, что Катуньская ГЭС пройдет как раз посередине, а истоки и низовья останутся целехоньки. Видно, моя доченька Маша, еще не выйдя на свет, была защитницей природы - она чувствительно толкнула меня в этот момент, и я вышла на сцену. Передо мной сидели писатели, ученые, представители министерств энергетики и водного хозяйства. Что могла сказать им, компетентным людям, актриса и кинорежиссер? Поэтому я стала говорить как мать, от имени моего еще не родившегося ребенка.

«Голову и ноги реки не затронут, а рубанут каскадом электростанций прямо по сердцу великой реки. Да много ли осталось у нас чистых, заповедных мест? Катунь, Горный Алтай - последняя природная цитадель. Куда кинемся мы с нашими детьми, когда глобальность экологической катастрофы затронет все сферы жизни, войдет в каждый дом, в каждую судьбу, прольется кислотными дождями, отравленной водопроводной водой, ядовитыми продуктами питания, не пригодным для дыхания воздухом... Да разве можно делить великую реку и выбирать, где святые места, а где можно опоганить, осквернить, затопить... Красота спасет мир, если мы не перестанем ее замечать, если в прихоти удовлетворения все разрастающихся потребностей человек не потеряет дар видеть прекрасное, как это видел наш современник Василий Шукшин...»

Однажды Василий Макарович появился в нашей вгиковской аудитории. Никем не замеченный, сел на задний ряд, прислонясь к стене. Рьяными молодыми гениями с режиссерского факультета обсуждался только что увиденный фильм Шукшина «Живет такой парень». Помню улыбку Василия Макаровича; лицо его могло быть по-детски незащищенным, но и неожиданно гневным, и тогда тяжелели скулы, словно наливаясь свинцом, и весь его лик становился скульптурным, словно высеченным из камня. Когда знаешь человека в жизни, трудно воспринять его в качестве монумента, портрета или скульптуры. Но вот стою я в Сростках, всматриваюсь в скульптурный портрет, созданный Вячеславом Клыковым, и поражаюсь мастерству художника, избежавшего монументализма, мнимой значительности, передавшего главное - боль, которую испытывал Шукшин за все, что происходило на его родной земле. Тогда, в конце шестидесятых, Шукшин тревожно всматривался в глаза будущих кинематографистов, говорил мало, больше слушал и... тосковал. Это было очевидно, и не только потому, что студенты-вгиковцы не восприняли красоту и искренность его первого фильма, а потому, что, умея заглядывать вперед, не видел красоты и искренности в глазах будущих режиссеров, правды не видел...

Снимался фильм Сергея Герасимова «У озера». Получив крохотную роль в этом фильме, я студенткой-второкурсницей приехала на съемки к нему - своему учителю - сначала на Байкал, потом на Лену и, наконец, в Ангарск. Помню свое впечатление от электростанции на Ангаре, ощущение грандиозности и в то же время суеверный страх перед монополией вмешательства человека в извечное природное движение реки. Сияющая металлом и огнями Ангара ревела и стонала в стальных тисках рукотворного препятствия. Там же, в киноэкспедиции, я видела киноматериал будущего фильма. Шукшин каждый дубль играл по-новому, но это новое входило не стремительно, а как-то сердечно и потихоньку, в уточнении интонации, в прищуре глаз, в каком-то ему одному ведомом чувствознании образа.

В сентябре 1974 года в итальянском городе Сорренто состоялся фестиваль советских фильмов. Итальянцы смогли увидеть новые фильмы Тарковского, Шукшина, Ильенко, Хуциева... Около ста советских кинематографистов принял небольшой итальянский город. В день открытия фестиваля все мы шли по главной улице города, сплошь украшенного разноцветными плакатами и алыми знаменами. Я шла рядом с Андреем Тарковским, Ларисой Голубкиной, Лидией Федосеевой и Василием Макаровичем. Праздничное шествие вызывало шутливое и даже ироничное настроение, вместе мы смеялись над рассказом об одной пожилой англичанке, привыкшей отдыхать в Сорренто. Проснувшись утром, она увидела весь город в красных флагах и ужаснулась. Выбежала на улицу и кинулась к первому полицейскому с криком:

«Куда вы смотрите, большевики захватили город!»

В этот же день мы выехали в Помпеи, Василий Макарович, явно тяготившийся поездкой, вдруг ожил и, пристроившись к автобусному окошку, впитывал в себя Италию. Она летела нам навстречу, сверкая апельсинами, лимонами, гранатами ухоженных фруктовых садов. Огромные кактусы протягивали к нам свои колючие ладони. Мимо проносились повисшие над пропастями мосты, застывшие в скалах храмы. Неожиданно за крутым поворотом распахивалось во всю лазурь ласковое Средиземное море; сливаясь с небом, оно раздвигало пространство до бесконечности. Все дышало ароматом цветов, плодов, моря. Дома лепились в скалах, как осиные гнезда, каждый клочок земли был использован, бережно ухожен, превращен в рай. Наш водитель, напевавший неаполитанские песни, остановил автобус у мраморной статуи Мадонны. Мы все вышли и оказались на крохотной площадке над обрывом. Пьедестал статуи Мадонны был украшен кусочками белой фаты. Как нам объяснил водитель, это девушки, выходя замуж, благодарят свою покровительницу за женихов. И сами мы неожиданно стали участниками этого прекрасного обряда. Деревенская свадьба пролила на нас брызги итальянского вина, улыбки невесты, смех ребятишек. Я оглянулась на Василия Макаровича и, как мне показалось, уловила горечь его состояния. «Мысли перескакивали на родную деревню, и начинала болеть душа. Понимал, прекрасно понимал: то, как он живет, - это не жизнь, это что-то нелепое, постыдное, мерзкое...»

«...Мне бы вот такой маленький трактор, маленький комбайн и десять гектаров земли». О чем мечтали герои Шукшина - о земле, о возможности эту землю обустроить, обласкать, назвать родной, пролить на нее слезы и пот и взрастить свой урожай. А за все эти мечтания они, да и сам Шукшин, получали ответ: «Кулачье недобитое. Об единоличной жизни мечтаете... Не нравится вам в колхозе-то? Заразы... Мещаны».

...Мы продолжили нашу экскурсию, и скоро над нами вознесся Везувий. Если присмотреться к его кратеру, можно увидеть легкую дымку то ли песка, то ли пепла - словно горный гигант предупреждает о том, что в любую минуту может ворваться в дела человеческие своей подземной стихией. В самих Помпеях нас более всего поразил музей, где столетиями хранятся человеческие останки, залитые лавой, ставшие скульптурными феноменами. Четко обозначено тело подростка и его верной собаки; влюбленные, застывшие на века... Время! Говорят, что для космоса оно не существует... Прошлое, настоящее и будущее смыкаются где-то в какой-то вселенской точке. Потом снова мы идем по древним развалинам Помпеи, и снова дышит Везувий, и вновь мучает Шукшина ностальгия по Родине...

После поездки собрались у меня в номере. Василий Макарович сидел грустный, тяжела была для него иностранная жизнь, тяжело хождение табуном даже по самым интересным местам. Лида что-то тихонько нашептывала ему на ухо, пытаясь заговорить хандру. К вечерне зазвонили колокола. Вошел Андрей Тарковский, он связывался по телефону с Москвой, и ему сообщили о смерти Бориса Ливанова. Почтив память великого актера, стали вспоминать что-то личное - веселое или грустное, связанное с ним. Шукшин молча слушал, по-крестьянски сложив руки на коленях, а в конце вечера сказал о Борисе Ливанове: «Вместе с этим человеком уходит целая эпоха».

Только пять фильмов оставил нам Шукшин. «Живет такой парень», «Ваш сын и брат», «Странные люди», «Печки-лавочки», «Калина красная»... а за ними неповторимый шукшинский мир, воплощенный в ярких незабываемых характерах, самобытном юморе, а больше - в печалях и раздумьях. Размышляя над жизнью, он часто был беспощаден к порокам человеческим, главный из которых видел в бездуховности. Не все гладко и просто было и в жизни Шукшина, часто он сам себя казнил за то, что «недотянул», недоработал. «Я сидел в зрительном зале и казнился, - писал он в одной из статей. - Я, как никогда, остро почувствовал, что зрительский опыт - великая штука. Я пренебрег им - и разговора со зрителем не получилось. Я хотел сказать в этом фильме, что душа человеческая мечется и тоскует, если она не возликовала никогда, не вскрикнула в восторге, толкнув нас на подвиг, если не жила она полной жизнью, не любила, не горела. Не вышло».

И вот последний фильм Шукшина «Калина красная», где незаурядность своего героя Шукшину предстояло доказать. Что же хотел сказать Шукшин своим Федором Проскудиным? Что в сердцевине каждого человека заложена детская добрая душа, что все зависит от людей, которые рядом, от любви, которая приходит и побеждает, о надежде, которая спасает, заставляет ждать пробуждения в человеке тоски по красоте...

«...И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зароюсь в снегу...
Все же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.

Егор, сам оглушенный силой слов, некоторое время сидел, стиснув зубы, глядел вперед... И была в его сосредоточенном далеком взгляде решимость, точно и сам он давно бросил прямой вызов тем каким-то - «на том берегу» - и не страшился. И сам Егор в эту минуту являл собой силу нешуточную...»

Именно в этом фильме-завещании Шукшин, перевоплотившись в образ Федора Проскурина, - в единстве работы сценариста, режиссера и актера дал нам образ высокой трагедии, где вместе со смертью героя рождается Человек.

«У Егора из-под прикрытых век сползла слезинка, подрожала, повиснув около уха, и сорвалась, и упала в траву. Егор умер.

И лежал он, русский крестьянин, в родной степи, вблизи от дома. Лежал, приникнув щекой к земле, как будто слушал что-то такое, одному ему слышное».

Шукшина любили. Любили его прозу и фильмы, любили его как актера. Эта любовь вылилась в настоящую трагедию об утрате любимого художника. Трудно было поверить в случившееся. Людской поток нес на своих плечах Василия Макаровича, осыпая гроб ветками калины красной. Вместе с Лидией Федосеевой-Шукшиной шли ее две дочери - Оля и Машенька Шукшины. Неожиданно младшая - Машенька - задергала мамин подол, восклицая: «Мама, когда эти съемки кончатся и папа встанет?»

Шукшин ушел из жизни во время съемочного периода фильма «Они сражались за Родину», которую снимал Сергей Федорович Бондарчук. После съемок актеры уходили на небольшой корабль, служивший им гостиницей среди необъятной степи. В этот вечер Василию Макаровичу не спалось, он вышел со своим другом Георгием Бурковым на палубу, там и состоялся их последний в его жизни разговор, в конце которого Шукшин спросил друга: «Знаешь, кто герой нашего времени?» - И сам ответил: «Демагог!» Георгий проводил его до каюты, условились, что он его и разбудит. Рано утром Бурков заглянул в каюту к Василию Макаровичу. Шукшин, казалось, сладко спал. Подождав еще немного, Бурков через несколько минут снова зашел в каюту. Его смутило то, что Шукшин лежал в том же положении... Он подошел к другу... Заключение медицинской комиссии: изношенность сердца на девяносто лет, сердце остановилось во время сна.

Вадим Иванович Юсов рассказывал, что перевозили Шукшина, как солдата, - в цинковом грубу, поместив его в военный реактивный самолет.

После похорон Лида Федосеева и Сергей Федорович пришли ко мне домой. Говорили опять мало, Лида вспоминала о том времени, когда писался роман «Я пришел дать вам волю». Однажды они поездом возвращались со съемок. Василий Макарович, как всегда, работал. А работал он в любых условиях, поражая окружающих своей нетребовательностью к «творческой атмосфере», на создание которой иногда уходит чуть ли не вся творческая активность иных писателей. Шукшин работал и на кухне под капающими пеленками и устроившись под елкой на киноплощадке, записывая рассказы в двухкопеечные тетрадки. Вот и тогда, рассказывала Лида, он устроился на верхней полке и под стук колес писал о Стеньке Разине. Неожиданно Лида услышала отчетливые рыдания: «Вася, Вася, что с тобой?» - старалась она успокоить мужа и сквозь рыдания услышала: «Стеньку убили! Убили!»

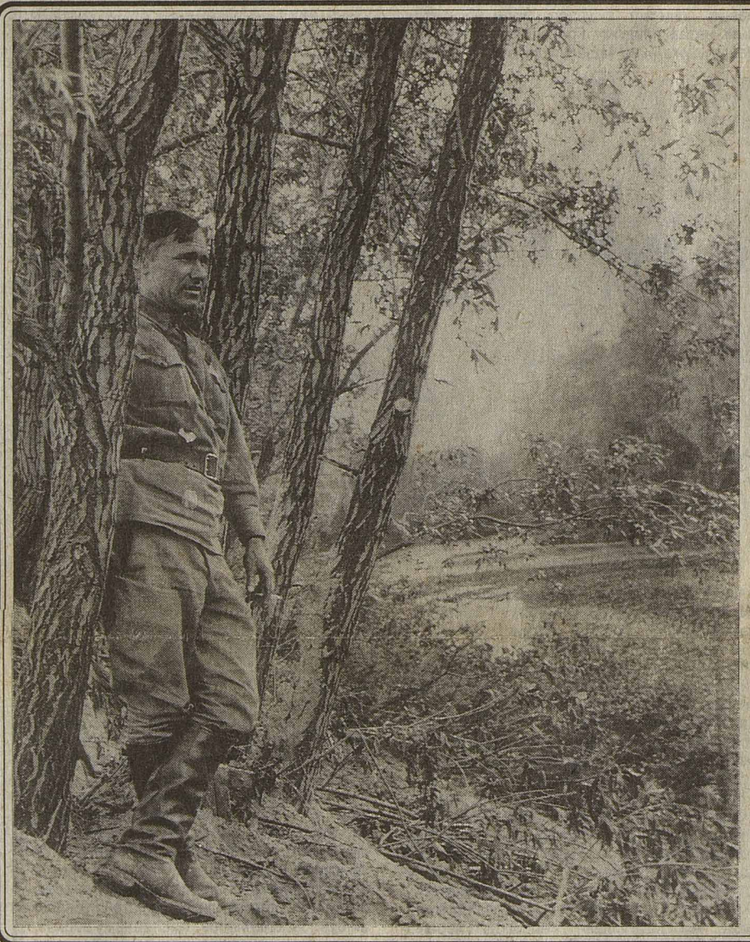
«...С сорока сороков белокаменной сорвались, загудели, накаляя синее июньское небо, литые медные гулы... И ушел, проклинаемый, скользя на кровяном пути... Пять раз тупо, смачно ударил топор. И не стало человека, чью светлую память - бережно, в горьких веках - сохранил и пронес великий народ, породивший его».

В тот день Лида неожиданно сняла с себя часы на цепочке и надела на меня: «От Васи это - он их мне подарил...» Так и осталась у меня эта реликвия - часы Шукшина. Время Шукшина.

...Текут, не переставая, на гору Пикет людские потоки, и верится, что этот новый ритуал станет одной из вех нашего нравственного возрождения.

«...А такая была ясность кругом, такая была тишина и ясность, что как-то даже не по себе маленько, если всмотреться и вслушаться. Неспокойно как-то. В груди что-то такое... Как будто подкатит что-то горячее к сердцу снизу и в виски мягко стукнет. И в ушах толчками пошумит кровь. И все, и больше ничего на земле не слышно. И висит на веревке луна».

Представляем читателям неопубликованные фотографии и текст письма В.Шукшина к К.Федину, а также суперобложку первой книги двухтомного издания произведений Василия Макаровича, выпущенного издательством «Звонница - МГ» к его 65-летию, предоставленные редакции Галиной Степановной Костровой.



Дорогой Константин Александрович!

Знаю, Вы за свою славную, наверное, не всегда легкую жизнь одобрили не одного, не двух. Но вот это Ваше бесконечно доброе - через Москву - прикосновение к чужой судьбе будет самым живительным. (Приму на себя смелость и ***обязательство*** *- обещать).*

Получив Ваше письмо, глянул по обыкновению на обратный адрес и... вздрогнул: «От К.Федина». Долго - с полчаса - ходил, боялся вскрыть конверт. Там лежал какой-то мне приговор. Вскрыл, стал читать... прочитал первые строки, стало больно и стыдно, что рассказы мои не заслуживают столь высокой оценки мастера. Захотелось скорей проскочить письмо и потом помучиться, помычать и сесть и писать совсем иначе - хорошо и крепко. А потом перечитывал письмо, немножко болело, но крепло то же желание: писать лучше. «Бог с ним, думал, переживу я это письмо, но отныне нигде не совру, ни одно слово не выскочит так».

Спасибо Вам, Константин Александрович!

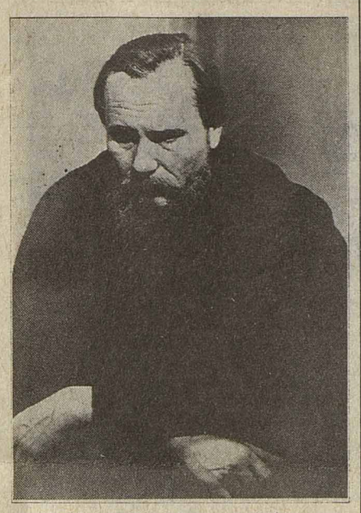
У Вас добрая, теплая, наработавшаяся рука.

Дай Вам Бог здоровья!

Спасибо.

30 сентября 1967 г.

Вас.ШУКШИН.



На снимках: *В.Шукшин во время съемок фильма «Они сражались за Родину»; суперобложка с репродукцией картины С.Кириллова «Степан Разин»; в образе Ф.Достоевского; на Чуйском тракте.*